
ПАМЯТИ ГРИГОРИЯ МАКСИМОВИЧА БОНГАРД-ЛЕВИНА

От редакции: Статьи данного раздела посвящены памяти академика РАН Г.М. Бонгард-Левина, главного редактора ВДИ в 1988–2008 гг., внесшего неоценимый вклад в сохранение и развитие востоковедных и антиковедных штудий в России. Некоторые из них были впервые представлены в виде докладов на конференции, приуроченной к 80-летию со дня его рождения, в Отделе сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН 11 сентября 2013 г. (см. ВДИ. 2014. № 1. С. 211–212).

© 2015 г.

Вестник древней истории
2015, № 1, 3–14

Н. П. Гринцер

СЫН ЗА ОТЦА (НЕ) ОТВЕЧАЕТ? ХОРОШИЕ И ДУРНЫЕ ДЕТИ В ГОМЕРОВСКОМ ЭПОСЕ

В статье анализируется архаический мотив противостояния сына и отца в гомеровском эпосе. Путем разбора релевантных контекстов «Илиады» и «Одиссеи» (прежде всего, применительно к Ахиллу и Телемаху) показывается, как в них, с одной стороны, сохраняется архаическое представление о молодом герое как своего рода новой ипостаси отца (что выражается в том числе и в его имени), а с другой, как в эпосе сглаживаются (но тем не менее присутствуют в подтексте) все традиционные мотивы, связанные с противостоянием отцов и детей. Поскольку такое противостояние является неизбежным следствием героического действия, активность героя влечет за собой нарушение сыновнего долга, а по-настоящему «достойным» сыном оказывается тот персонаж, кто полностью или на время оказывается пассивным.

Ключевые слова: героический эпос, эпический герой, мифология, фольклор, этимология, отец, сын, «Илиада», «Одиссея», эпический цикл.

В мифологической перспективе взаимоотношения отца и сына, как и любой мифологический мотив, принципиально амбивалентны. С одной стороны, в традиционной картине мира всякий сын воспринимается как своего рода продолжение или alter ego отца, с другой – типичным является мифологический сюжет, в котором сын и отец (чаще по неведению) противостоят друг другу, и один из них убивает другого. На греческой почве мы чаще встречаемся с сюжетом, согласно которому сын по незнанию убивает своего отца. Это, разумеется, миф об Эдипе и, скажем, история о сыне Одиссея от Кирки Телегоне, убивающем отца во

Гринцер Николай Павлович – доктор филологических наук, директор Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС).

время возвращения Одиссея из его второго странствия (Телегония, arg. Procli 306. 16)¹. В конечном счете рефлексом того же мифа является и история отца Тезея Эгея, который хоть и кончает жизнь самоубийством, но делает это по вине сына (Plut. Thes. 5). В иных традициях нередок и обратный случай, когда, напротив, отец умерщвляет сына (кельтский Кухулин, скандинавский Хильдебранд, персидский Рустам)². В мифологической перспективе эти два мотива не исключают, а естественным образом вытекают друг из друга: юный герой оказывается поистине достойным своего отца тогда, когда оказывается способным противостоять ему в сражении и даже превзойти его³. Не так в эпической традиции, где на мифологическую мотивировку накладывается этическая и социальная интерпретация. Один из возможных вариантов трансформации и разделения исходно нераздельных мотивов я и хотел бы продемонстрировать на примере гомеровского эпоса.

Параллель или даже тождество отца и сына в греческой традиции подчеркивает, в частности, такая поистине говорящая деталь, как имена сыновей, служащие своего рода парафразой, эпитетом отца. Вот некоторые ее примеры на греческом материале. В «Илиаде» прямо говорится, что троянцы именовали сына Гектора Астианактом, «Властителем города», поскольку «Гектор один был опорой Илиона» (τόν ᾧ' Ἐκτωρ καλέεσκε Σκαμάνδριον, αὐτὰρ οἱ ἄλλοι Ἀστυνάκτ' οἶος γὰρ ἐρύετο Ἴλιον Ἐκτωρ, 6. 402–403). Имя «Сражающегося издали/вдалеке» Телемаха очевидным образом указывает на Одиссея, который сам (а не Телемах) воюет вдали от дома и главным оружием которого (по крайней мере, в «Одиссее») является бьющий издали лук⁴. Опять-таки эта этимологическая связь (посредством антинимии) подчеркивается в тексте «Илиады», когда Одиссеей говорит Агамемнону: «ты увидишь... отца Телемаха среди тех, кто сходится с троянцами, укротителями коней, в ближнем бою» (ᾧψεαι... Τηλεμάχοιο φίλον πατέρα προμάχοισι μύεγντα Τρώων ἰπλοδάμων, 4. 353–355)⁵. Явным образом имя сына Нестора Писистрата «Убеждающего войско» отражает мудрость и ораторское искусство старого советника ахейцев⁶; по всей видимости, сын, рожденный Менелаем от наложницы, получил

¹ Характерно, что Телегон впоследствии женится на Пенелопе, жене своего убитого отца (но не на своей матери) – поэтому Я. Бреммер называет этот миф «мягкой версией» истории Эдипа. См. Bremmer 2014, 51.

² См. Боура 2002, 537–538. Об истоках универсального сюжета «бой отца с сыном» и его функционировании, например, в русской былине см. Пропп 1958, 261–264. В.Я. Пропп связывает его с оппозицией материнского и отцовского рода (ср. Веселовский 2006, 591). О связи мифолого-фольклорного мотива противостояния отца и сына (реализующегося в том числе и в форме инцеста) см. Мелетинский 1984; его структуралистскую интерпретацию в контексте недо/переоценки родства см. Леви-Строс 2001, 221–226. О возможности возвести данный мотив к универсальному мифу об умирающем и воскресающем герое (где отец и сын – две ипостаси единого целого) см., например, Лотман, Минц 1981, 47. В чем бы ни видеть первооснову этого сюжета, важно отметить, что в контексте архаического сознания, мифа и ритуала он исходно не несет этических коннотаций.

³ Разумеется, этот сюжет наиболее любим фрейдистскими интерпретаторами мифа, которые видят в нем отражение универсального «эдипова комплекса». См. фрейдистскую трактовку героического мифа в целом в классической работе Rank 1909. Из современных работ см. Zajko, O'Gorman 2013, 165–168, 265–266.

⁴ См. Kamptz 1982, 31–32, 72. Впрочем, иногда в имени сына Одиссея усматривают и идею удаленности от войны (Perradotto 1990, 106).

⁵ Ср. Risch 1981, 308.

⁶ Как и имена двух других его сыновей, Эхефрона («Обладающего разумом») и Фрасимеда («Твердого в мысли»). Аналогичные примеры, почерпнутые как из гомеровского

свое скорбное имя Мегапент, «Большое горе», в знак тоски покинутого мужа Елены⁷ и т.д. Тем самым сын отвечает за отца с самого своего рождения: он поневоле, в силу собственного своего имени, разделяет отцовскую судьбу. В этом отношении интересен случай с сыном Ахилла, Неоптолемом. Его имя «Новый (или Молодой) на войне» вполне можно трактовать как отражение его собственной судьбы: ведь Неоптолем попал под Троию совсем юным (см., например, «Киприи», фр. 19 Bernabé – именно поэтому его «переименовали» из Пирра); однако тем самым он буквально повторяет судьбу самого Ахилла – и не случайно, что Павсаний (X. 26. 4) предлагает иную мотивировку: Неоптолема так назвал Феникс, поскольку совсем молодым на войну отправился как раз Ахилл («Киприи», фр. 21 Bernabé)⁸.

В эпосе данный мотив приобретает дополнительное измерение: сын великого героя своими действиями должен оправдать свое происхождение и вместе с ним свое имя, иными словами, стать достойным своего отца. Здесь опять-таки наиболее яркий пример – Телемах. Многократно писалось о том, что весь смысл так называемой «Телемахии» внутри «Одиссеи» – это возмужание юного героя, суть которого в приобщении к героическому миру отца⁹. В своем путешествии, формально продиктованном стремлением узнать о судьбе отца – собственно, где он, – Телемах именно этого не узнает, но зато в беседах с Нестором, Еленой и Менелаем узнает прежнюю судьбу Одиссея, его деяния во время Троянской войны. Показательно, что перед отъездом Телемах даже не уверен в их родственной связи: «Моя мать говорит, что я от него, но сам я не знаю, никому не дано самому знать своего родителя» (μήτηρ μὲν τέ μέ φησι τοῦ ἔμμεναί, αὐτὰρ ἐγὼ γε οὐκ οἶδ'· οὐ γάρ πώ τις ἐδὼν γόνον αὐτὸς ἀνέγνω – 1. 215–216)¹⁰. Характерно и то, что в своем разговоре с Афиной-Ментесом в первой песни «Одиссеи» Телемах предъясвляет Одиссею и своеобразную претензию за то, что тот не выполнил отцовский долг: если бы Одиссей погиб под Троей и был похоронен с почестями, то «и своему сыну принес бы впредь великую славу», а поскольку он пропал безвестным, то и Телемаху оставил одно лишь горе (1. 237–243)¹¹. В какой-то мере своим путешествием Теле-

эпоса, так и из киклических поэм, произведений Гесиода, гомеровских гимнов, были в свое время собраны в статье Sulzberger 1926.

⁷ См. Perradotto 1990, 137. Показательно в этой связи, что в «Одиссее» имя Мегапента всегда соседствует с именем Елены (4.11, 15.100, 103, 122).

⁸ Подобие Неоптолема и Ахилла подчеркивается и в гомеровском эпосе. Так, Одиссей в рассказе тени Ахилла в Аиде утверждает, что в битве Неоптолему не было равных, в то время как в совете он уступал Нестору и самому Одиссею (Od. 11. 510–512). Схожим образом в «Илиаде» (18. 105–106) Ахилл говорит о себе, что он лучший среди ахейцев на поле брани, «а на собрании есть и те, что лучше». Ср. Edwards 1985, 59–61.

⁹ См., например, Clarke 1989, 43–44; Petropoulos 2011, 9–19.

¹⁰ Фразу можно понять и по-другому: «Еще никто не признал своего отпрыска». Однако именно в таком смысле («никому не дано точно знать своего отца») ее понимали в древности многие комментаторы, в том числе Евстафий и Порфирий; эта максима была включена в раздел «О семье» «Антологии» Стобея. Г. Данек в своем комментарии к «Одиссее» видит в этом намек на иные эпические версии, в которых поведение Пенелопы было не столь безупречным (Данек 2011, 59). Ф. Летублон видит в этих словах Телемаха «вполне естественные сомнения в собственной идентичности юноши, которого покинул отец, когда он еще лежал в колыбели» (Letoublon 2010, 140). Однако, пожалуй, в контексте всей «Телемахии» данная фраза указывает на неуверенность сына Одиссея не только и не столько в «семейной», сколько в своей «героической идентичности», которую он и обретает в ходе своего путешествия.

¹¹ Эта оппозиция славной/бесславной смерти несколько раз возникает на протяжении «Одиссеи». См. West 1990: 104.

мах восполняет это упущение: он узнает о славе Одиссея¹². Одновременно он сам оказывается достойным своего отца – тем, что научается правильно вести себя в общении с Менелаем и Нестором. Именно приобретаемое Телемахом умение слушать, правильно отвечать, правильно принимать подарки постоянно подчеркивается в рамках «Телемахии» Афиной, Нестором, Писистратом и т.д., что дало в свое время Г. Кларку назвать путешествие Телемаха обучением «хорошим манерам»¹³. Иными словами, ценным оказывается не столько действие героя, сколько его правильное, но пассивное поведение. В этом контексте характерна вызывающая у комментаторов немало вопросов сцена первой встречи Телемаха и Одиссея, когда сын сначала не уверен в личности отца: «Ты не можешь быть Одиссеем, моим отцом, это, верно, какое-то божество меня чарует» (οὐ σύ γ' Ὀδυσσεύς ἐσσι πατήρ ἐμός, ἀλλὰ με δαίμων θέλγει), но после выговора Одиссея «Телемах, тебе на пристало слишком поражаться и дивиться тому, что твой отец дома, ибо никакой иной Одиссей сюда не придет, а я вот он» (Τηλέμαχ', οὐ σε ἔοικε φίλον πατέρ' ἐνδον ἔοντα οὔτε τι θαυμάζειν περιώσιον οὔτ' ἀγάσθαι· οὐ μὲν γάρ τοι ἔτ' ἄλλος ἐλεύσεται ἐνθάδ' Ὀδυσσεύς, ἀλλ' ὄδ' ἐγὼ τοιόσδε – 16. 194–205), он немедленно начинает вести себя как почтительный сын. Г. Данек справедливо указывает, что аудитория вполне могла рассчитывать на традиционное узнавание по знаку или какое бы то ни было дополнительное обоснование, но, вслед за другими, подчеркивает эмоциональную составляющую: в отличие от Эвриклеи, Пенелопы и даже Лаэрта Телемах узнает Одиссея, так сказать, «душой»¹⁴. Мне кажется, дело в другом: Одиссей апеллирует к правильному поведению, тому, как должен вести себя человек, чтящий родителей и богов (это второй пункт его упрека: не надо удивляться, мне покровительствует Афина, а боги могут все – 16. 207–212), и «разумный» (πεπνυμένος)¹⁵ Телемах немедленно отказывается от сомнений. Характерно, что когда сомнения выказывает Пенелопа, уже Телемах обрушивается на нее с упреками, но Одиссей останавливает его и проходит приготовленное Пенелопой испытание (23. 97 и далее). Поведение жены и сына определяется разными критериями.

В то же время «Телемахия» уподобляет Телемаха отцу и чисто формально. Покидая Итаку и возвращаясь на нее, он действует так же, как и отец, и не случайно именно сам факт его отъезда убеждает женихов в том, что он представляет для них опасность (4. 663 слл.). Телемах, вслед за отцом, приходит «издалека» и вместе с ним сражается, тем самым полностью оправдывая и свое имя. Замечательно, что в момент этого сражения он получает и своего рода формальный знак своей зрелости, вновь роднящий его с отцом. В момент боя Афина, сидя под крышей в виде птицы, отводит от Одиссея и его сына все удары женихов, но тем не менее позволяет копыю Амфимедонта ранить Телемаха в руку (22. 277–278). По остроумному наблюдению Ч. Экерта, трактовавшего историю Телемаха как отражение инициационного обряда, Афина допускает это ранение именно как символ окончатель-

¹² См. статью Jones 1988, автор которой, в частности, указывает на этимологическую связь греч. κλέος с κλύω «слышать»: услышав о славных деяниях отца и своим поведением доказав свое родство с ним, Телемах обретает и свою собственную «славу», которую ему обещает Афина в начале «Одиссеи» (1. 95). О том, как в процессе своего путешествия Телемах обретает многие черты, свойственные самому Одиссею, см. Austin 1969; Said 2011, 243–244.

¹³ Clarke 1963, 133–135.

¹⁴ Danek 1998, 304.

¹⁵ В контексте наших рассуждений кажется весьма интересной мысль, высказанная в статье Heath 2001, согласно которой этот основной эпитет Телемаха является знаком его взросления и приобщения к миру отца.

ного возмужания Телемаха и знак прохождения им «посвящения в герои»¹⁶. Если эта деталь верна, то она не может не навести на еще одну параллель с Одиссеем, у которого также, как все знают, имелась рана, ставшая знаком и его мужества, и его личности, – я имею в виду шрам, оставшийся у него от охоты на вепря на Парнасе (Od. 19. 393–394), который, кстати, также часто трактуется как отражение все того же обряда инициации¹⁷.

Однако, как отмечали практически все исследователи и комментаторы «Одиссеи», даже в момент боя с женихами Телемах постоянно оказывается как бы «в тени» Одиссея¹⁸. Вообще «Одиссея» тщательно сглаживает все возможные намеки на то, что Телемах может и впрямь «равняться» с отцом. Здесь чрезвычайно показателен момент, когда во время испытания женихов Телемах пытается сам натянуть лук, и в ту секунду, когда он уже готов это сделать, Одиссеем делается ему знак воздержаться, и сын слушается и отказывается от попытки (21. 125–129). Традиционно эта несостоявшаяся попытка Телемаха интерпретируется как еще один знак его возмужания¹⁹. Однако на деле Телемах этого обретенного «мужества» как раз и не подтверждает: ведь лук он так и не натягивает. Потому скорее можно согласиться с Д. Олсоном, который видит в этом месте намек на скрытый антагонизм отца и сына, – ведь Телемах по сути вступает в соперничество с отцом за руку матери²⁰. Если подобное противостояние здесь не усматривать, то не совсем понятно, зачем Телемаху вообще участвовать в состязании, коль скоро он знает, что его отец возвратился. В какой-то мере в этой попытке можно проследить и стремление доказать «правильность» собственного имени: Телемах готов показать, что он и впрямь «Сражающийся издали», сделать исходно «отцовское» имя полноправно «своим». Но в итоге этого не случается – и Телемах сам (пусть «иронически»²¹) признает собственное несовершенство и юношескую слабость:

Горе! Как видно, всегда я останусь негодным и слабым,
Или же молод еще, не могу положиться на руки,
Чтобы суметь отразить человека, напавшего первым!

(Od. 21. 131–133, пер. В.А. Жуковского)

И в дальнейшем, уже в сцене избияния женихов лук – это подлинно «дальноразящее» оружие – остается исключительным атрибутом Одиссея.

Скрытое напряжение возникает и в последнем диалоге Одиссея и Телемаха: отец требует, чтобы Телемах постарался «ничем не посрамить отцовский род»

¹⁶ Eckert 1963, 54. Ср. аналогичную трактовку путешествия и возвращения Телемаха как «ритуала перехода» в Letoublon 2010, 145–147.

¹⁷ См., например, Bremmer 1983, 173–186; Petropoulos 2011, 114–116; Bakker 2013, 100.

¹⁸ «Одиссеем наверняка справился бы с женихами и без Телемаха, чей собственный вклад в их убийство в основном сводится к допущенной им ошибке (22. 154–156), на какое-то время добавившей его отцу забот» (Benardete 2008, 8).

¹⁹ См., например, Moreau 1992.

²⁰ Olson 1995, 176. Хотя Олсон и оговаривается, что у Телемаха на деле нет такого намерения, Г. Данек в своем комментарии упрекает его в придании эпизоду «эдиповых коннотаций», которые решительно отрицает (Danek 1998, 403). Ср. также обсуждение этого эпизода в Thalmann 1998, 213–218, где определенный сексуальный подтекст признается, но утверждается, что вся сцена несет скорее социально-символический смысл: юноша одновременно и утверждает собственную взрослость, и уступает воле отца.

²¹ Fernandez-Galiano 1990, 161. Впрочем, сам комментатор признает, что эти самоуничижительные слова Телемаха вызывают немало проблем у интерпретаторов и порой считаются неуместной интерполяцией.

(μή τι κατασχύνειν πατέρων γένος, οἱ τὸ πάρος περ), а сын отвечает: «Ты увидишь, коли захочешь, дорогой отец, меня в таком состоянии духа, что ничем не посрамлю твой род, как ты полагаешь» (ὄψεαι, αἶ κ' ἐθέλησθα, πάτερ φίλε, τῶδ' ἐπὶ θυμῷ οὐ τι κατασχύνοντα τεὸν γένος, ὡς ἀγορεύεις – 24. 508–512). Соперничество героев подчеркивается дальнейшими словами Лаэрта: «О милые боги, что за день, как я **рад**: сын и внук вступили в **распрю** из-за доблести» (τίς νύ μοι ἡμέρη ἦδε, θεοὶ φίλοι; ἢ μάλα **χαίρω**· υἱός θ' υἰώνος τ' ἀρετῆς πέρι **δήριον** ἔχουσι, 514–515). Слова Лаэрта звучат слегка двусмысленно: слово *δήριος* в эпосе обладает отчетливо мрачными коннотациями: в той же «Одиссее» 8. 76–78 так, например, назван раздор Одиссея и Ахилла, которому также радовался третий персонаж – Агамемнон (νεῖκος Ὀδυσσεύος καὶ Πηλεΐδου Ἀχιλλῆος, ὡς ποτε **δηρίσαντο** θεῶν ἐν δαίτῃ θαλαίῃ ἐκπύγλοισ' ἐπέεσσιν, ἄναξ δ' ἀνδρῶν Ἀγαμέμνων **χαίρει** νόῳ, ὃ τ' ἄριστοι Ἀχαιοὶν **δηρίῶντο**). Так что здесь также можно уловить намек на «раздор между своими», и не случайно, что в действие практически немедленно (дав лишь Лаэрту возможность убить Эвпейта) вмешивается Афина. Правда, формально она спасает от гибели родственников женихов, на которых уже обрушивают первые удары Одиссей и Телемах (причем характерно, что оба они устремляются на тех, «кто бился в первом ряду», *προμάχοις*, 24. 526, заставляя по контрасту вспомнить о семантике имени Телемаха), но в данном контексте скрыто подразумевается и прекращение ею потенциальной вражды отца и сына²².

Таким образом, идеальный сын Телемах оказывается таковым прежде всего в силу некоторой своей пассивности; всякий раз, когда в повествовании возникает ощущение его непокорности или готовности соревноваться с отцом, он или отступает назад, или действие прекращается само. Потому Телемах и предстает в повествовании идеальным сыном, но не героем, равным отцу. Он *не* натягивает лук в 21-й песни, а в 24-й, после горделивого словесного самоутверждения, он *не* доказывает Одиссею на деле, что не посрамит отца в битве.

«Илиада» дает нам куда более разнообразную палитру взаимоотношений отцов и сыновей – не случайно один из исследователей в свое время назвал ее «великой поэмой отцовства»²³. Не имея возможности в данной работе разбирать все нюансы, я остановлюсь лишь кратко на этой теме применительно к двум главным героям поэмы – Ахиллу и Гектору. Казалось бы, последний традиционно считается практически идеальным эпическим образом отца, мужа и сына²⁴. Все это так, пока он не попадает в знаковую для эпического героя ситуацию: ситуацию героического выбора. В 22-й песни, решаясь на поединок с Ахиллом, предпочитая действие отступлению, он показательным образом отвергает моления своей семьи и прежде всего Приама (II. 22. 33–90)²⁵. В свою очередь, своей смертью он нарушает от-

²² Ср. Olson 1995, 176. Такой взгляд делает эту сцену куда более насыщенной и интересной, чем простое представление ее как гармонической картины единства трех поколений, как это делает, например, Felson 1999. Примерно так же трактуется эпизод в Thalmann 1998, 221–223, правда, исследователь обращает внимание на «мягкий» вызов, звучащий в словах Телемаха, а также весьма остроумно подмечает, что в последнем упоминании о Телемахе в «Одиссее» 24. 527 (ἐν δ' ἔτεσον *προμάχοισ'* Ὀδυσσεὺς καὶ φαίδιμος υἱός) он имеет «хоть и блестящим, но все же всего лишь сыном Одиссея».

²³ Greene 1963, 47. Из последних работ об отношениях «отцов и детей» в «Илиаде» см. Pratt 2007.

²⁴ См., например, Wöhrle 1999, 85–89.

²⁵ Исследователи часто трактуют игнорирование Гектором отцовской мольбы как один из целого ряда примеров пренебрежения им советами и предупреждениями (например,

цовский долг по отношению к сыну Астианакту. В первом плаче Андромахи по Гектору она подчеркивает именно этот мотив: «Не будет ни ему от тебя пользы, Гектор, ни тебе от него» (οὔτε σὺ τοῦτω ἔσσειαι Ἴ Hector ὄνειαρ ἐλεῖ θάναες, οὔτε σοὶ οὗτος, II. 22. 485–486). Важность этих двусторонних отношений (отец заботится о сыне в юности, тот о нем в старости) в системе ценностей «Илиады» подчеркивает в своей статье Н. Фелсон, которая справедливо замечает, что Гектор своей гибелью рушит собственные благопожелания сыну, которые произносит в знаменитой сцене в 6-й песни²⁶; правда, следует заметить, что и там мечты Гектора об Астианакте, властителя Трои, превосходящем собственного отца, Гектор произносит сразу после того, как говорит Андромахе, что знает «наступит день, и погибнет священная Троя» (ἔσσειται ἡμᾶρ ὄτ' ἄν ποτ' ὀλώλη Ἴλιος ἱρή – II. 6. 448). Но так или иначе смерть Гектора означает горе и смерть не только его отца Приама (которую он рисует сыну, умоляя его не выходить на бой в 22-й песни), но и сына Астианакта (смерть которого в деталях описывает Андромаха в своем плаче по Гектору в 24. 726–735). Таким образом, сам Гектор не дает сыну реализовать «отцовское» имя – стать властителем Трои.

Отец Ахилла Пелей не является действующим лицом «Илиады», но его имя возникает в повествовании в весьма знаковые моменты. Характерно, что именно к нему апеллируют в сцене посольства к Ахиллу Одиссей и Феникс. Правда, смысл его наказа сыну они передают по-разному. Согласно Одиссею, Пелей заповедовал сыну уклоняться от раздора и сдерживать свой дух (9. 254–258); согласно Фениксу, Пелей послал его сопровождать Ахилла, который был юн и несведущ в делах войны (ср. Неоптолем) и речей на собраниях, с тем чтобы Ахилл стал «сказателем слов и делателем дел» (νήπιον οὐ πω εἰδόθ' ὁμοίου πολέμοιο οὐδ' ἀγορέων, ἵνα τ' ἄνδρες ἀριπρεπέες τελέθουσι. τοῦνεκά με προέηκε διδασκόμεναι τάδε πάντα, **μῦθον τε ῥήτηρ' ἔμεναι πρηκτῆρά τε ἔργων** – 9. 440–443). Характерно, что в данном контексте оба: Одиссей – более откровенно, Феникс – более изящно – намекают на то, что Ахилл в данный момент не отвечает чаяниям Пелея²⁷. В то же время сам Ахилл в своей речи, когда обещает на следующий день вернуться во Фтию (359–363), потенциально выступает в качестве человека, блюдущего сыновний долг. Во-первых, тем самым он дает возможность Пелею выполнить по отношению к нему долг отца: в частности, именно он, а не безо всякого основания претендующий на эту роль Агамемнон²⁸ выберет ему во Фтии жену (9. 394). Во-вторых, он сумеет «насладиться богатством, которое стяжал Пелей» (9. 400), и одновременно лелеять Пелееву старость. Наконец, этим возвращением, буде оно состоится, он способен выполнить и свои обязательства перед Фениксом, который в этой же 9-й песни прямо говорит о том, что он воспитал Ахилла как сына, надеясь, что тот, в

Полидаманта в II. 12. 211–229). См. Schadewaldt 1966, 105–107; Heiden 2008, 33. Об отражении в этом эпизоде темы героического выбора как стремления не уронить любой ценой свою честь см. Redfield 1975, 155–158. Однако на фоне традиционного образа Гектора как «идеального сына» такой отказ маркирован особо. О более широких этических коннотациях этой сцены см. Cairns 1993, 81–82; Schofield 2001, 243–245.

²⁶ Felson 2002, 40–41.

²⁷ Ср. также слова Нестора в II. 11. 782–789, обращенные к Патроклу, где он упрекает его в том, что он не исполняет завета своего отца Менетия, так же, как и Ахилл – Пелея.

²⁸ Предложение Агамемнона выдать за Ахилла собственную дочь – один из аргументов, позволяющих видеть в нем одного из субститутов отца Ахилла. Ср. статью Avery 1998, автор которой обращает внимание на повторяющееся упоминание о том, что Пелей препоручил своего сына именно Агамемнону (II. 9. 253–439).

свою очередь, «избавит его от тяжелой беды» (ἀλλὰ σὲ παῖδα θεοῖς ἐπιείκελ' Ἀχιλλεὺ ποιεῦμεν, ἵνα μοί ποτ' ἀεικέα λογιὸν ἀμύνης, 9. 494–495). Конечно, Феникс в данном случае побуждает Ахилла вступить в бой, но Ахилл встречным предложением – вернуться во Фтию (на которое Феникс соглашается) – предлагает, так сказать, иной вариант.

Иными словами, именно в момент своего бездействия Ахилл оказывается в какой-то мере ближе всего к идеалу «правильного» сына, чей долг – беречь старость родителя. Характерно, что именно в этой своей речи Ахилл в знаменитом пассаже (II. 9. 411–416) повествует о стоявшем перед ним героическом выборе: отправиться под Троию и умереть, стяжав бессмертную славу, или остаться во Фтии и прожить долгую, счастливую, но неизвестную жизнь. Мнимый отказ от выбора в пользу славы становится возможностью выполнить сыновний долг по отношению разом и к Фениксу, и к Пелею. Однако в реальности, как мы знаем, Ахилл-таки последует своему исходному героическому выбору, ведущему к его смерти, которая, как он сам не раз говорит, означает невозможность для него выполнить свои обязательства по отношению к Пелею. В этом отношении показательны его слова, обращенные к Приаму в II. 24. 540–542: «Я не забочусь о нем, поскольку нахожусь далеко от отеческой земли, неся беды тебе и твоему потомству» (ἀλλ' οὐδέ νυ τὸν γε γηράσκοντα κομίζω, ἐπεὶ μάλα τηλόθι πάτρης ἡμαί ἐνὶ Τροίῃ, σέ τε κήδων ἠδὲ σὰ τέκνα). Картина покинутого сыном Пелея возникает и в плаче Ахилла по Патроклу: «Я не претерпел бы худшего, даже если бы услышал о гибели собственного отца, который ныне во Фтии льет слезы, лишенный помощи сына ...ибо думаю, что Пелей или уже умер, или едва жив, удрученный старостью, вечно ожидая тяжелой вести обо мне, когда узнает, что я умер» (19. 321–337). Смерть Ахилла, наступающая в результате его героических действий, означает по сути гибель его отца.

Слова о возможной смерти Пелея Ахилл произносит, скорбя об уже убитом Патрокле. Этот факт, наряду с некоторыми другими, позволяет ряду исследователей видеть в спутнике Ахилла еще одну фигуру, отчасти замещающую его отца²⁹. Подобное отождествление можно подкрепить и тем обстоятельством, что Патрокл гибнет после того, как Ахилл вручает ему свои доспехи, исходно принадлежавшие именно Пелею (II. 17. 194–197), тем самым поручая ему действовать как бы за себя и своего отца. Кроме того, в своем плаче по Патроклу Брисеида упоминает о своей надежде, что именно он выдаст ее замуж за Ахилла (19. 297–300) – опять-таки функция, естественная для отца героя. Но есть и весьма существенные возражения против такой интерпретации³⁰. Быть может, наиболее значимым является тот факт, что в своей скорби по Патроклу Ахилл прямо отождествляется с отцом, рыдающим по сыну (II. 23. 222–225), а еще ранее его горе уподобляется страданиям могучего льва, потерявшего детенышей (18. 318–322)³¹. Это сравнение скорее свидетельствует об ином распределении ролей в этой паре³². В таком случае опять-таки характерно,

²⁹ См., например, Finlay 1980; Schein 1984, 103.

³⁰ См. Held 1987, 246; Wöhrle 1999, 65–67.

³¹ См. Pratt 2007, 37. Исследовательница считает это одним из признаков того, что ближе к концу «Илиады» Ахилл все больше выходит из роли сына и приобретает все больше функций отца.

³² В рамках данной статьи вряд ли уместно вдаваться в долгую дискуссию относительно актуальности для Гомера гомосексуальной темы применительно к Ахиллу и Патроклу (доминирующей в дальнейшей литературной и культурной традиции). Вслед за целым рядом ученых, я полагаю, что применительно к «Илиаде» этот спор достаточно беспредметен (futile question – Hooker 1989, 35).

что именно включение Патрокла в действие³³ не просто повергает Ахилла в горе, но в конце концов и становится причиной его собственной смерти.

Кратко суммируя, можно сказать, вслед за многими исследователями, что Ахилл в «Илиаде» в целом предстает «дурным» сыном: он отвергает просьбу Феникса, он покидает и своей гибелью обрекает на печальную участь Пелея. Единственным человеком, по отношению к которому Ахилл отчасти выполняет сыновний долг, парадоксальным образом оказывается Приам³⁴, кстати в своей просьбе к Ахиллу апеллирующий именно к сыновней любви Ахилла к Пелею. Почтя старость Приама и отдав ему труп Гектора, Ахилл, по меткому определению Т. Фолкнера, «воздаст Приаму сыновние почести (θρηπτήρια), которые он не сможет воздать Пелею, а Приам принимает их от того, кто отнял жизнь у его собственного сына, который должен был их воздавать Приаму»³⁵. Замечательно, что эту свою квази-сыновнюю роль Ахилл исполняет, опять-таки оказываясь от действия: не убивая (как ожидала Гекуба, Приам и прочие) троянского царя и пообещав ему 12 дней воздерживаться от битвы. Характерно при этом, что в разговоре с Приамом однажды Ахилл угрожает ему действием, как бы потенциально задавая тему «сын (опосредованно Гектор и непосредственно Ахилл) убивает своего отца»: «Не возбуждай более в горести моего духа, а то как бы я все же не порешил тебя, старика, в своем чертоге, преступив закон Зевса, хотя ты и пришел просителем» (τὸ νῦν μὴ μοι μάλλον ἐν ἄλγεσι θυμὸν ὀρίνης, μὴ σε, γέρον, οὐδ' αὐτὸν ἐνὶ κλισίῃσιν ἐάσω καὶ ἰκέτην περ ἔοντα, Διὸς δ' ἀλίτωμαί ἐφετμάς – 24. 568–570). Этот всплеск кажется достаточно неспровоцированным – и его обычно объясняют многократно подмеченным внутренним параллелизмом между сценой с Агамемноном и Хрисом в 1-й и Ахиллом и Приамом в 24-й песни: Ахилл как бы на мгновение предстает Агамемноном, угрожающим старику-просителю³⁶. Однако такое объяснение кажется слишком формальным и механистическим, и потому порой мотивировку пытаются искать во внутренней логике диалога, точнее, в предыдущей реплике Приама: «И пусть ты возьмешь этот богатый выкуп, что я тебе принес, и извлечешь из него пользу, пусть достигнешь отчей земли, раз уж ты прежде разрешил мне самому жить и видеть свет солнца» (σὺ δὲ δέξαι ἄλοια πολλά, τὰ τοι φέρομεν· σὺ δὲ τῶνδ' ἀλόναο, καὶ ἔλθοις σὴν ἐς πατρίδα γαίαν, ἐπεὶ με πρῶτον ἔασας αὐτόν τε ζῶειν καὶ ὄραν φάος ἠέλιοιο – 24. 555–558). Связь двух реплик подчеркнута в том числе и изящной словесной игрой: Приам употребляет глагол ἐάω в его обычном значении в сочетании с другим глаголом: «разрешить, позволить что-то сделать», – а Ахилл в своей угрозе тот же глагол использует в сочетании с прямым объектом, придавая ему значение «убить, порешить, пустить в расход»³⁷. Однако мотивировку этой связи трактуют по-разному. Р. Мартин, например, считает, что Ахилла возмущает апелляция к материальным благам и к невозможному для него возврату домой, т.е. некое имплицитное отрицание уже совершенного им героического выбора³⁸. В свою очередь, Н. Фел-

³³ Причем действует он, прямо «соревнуясь» с Ахиллом и внешним обликом (доспехи), и деяниями (попытка взять Троя) – в этом тоже можно усмотреть тему соперничества отца и сына.

³⁴ Mills 2000, 16–17. О подобии Приама и Пелея и теме «отец–сын» как доминирующей в сцене выкупа тела Гектора см., например, Macleod 1982, 1–35; Crotty 1994, 24–26, 75–81; Zanker 1996, 121–123.

³⁵ Falkner 1995, 14.

³⁶ Jensen 1980, 41; Richardson 1996, 334, 336.

³⁷ Ср. Macleod 1982, 136; Richardson 1996, 336.

³⁸ Martin 1989, 149.

сон остроумно предполагает, что слова Приама, напоминающие герою о Пелее, с которым он никогда не увидится, нарушают возникшую у Ахилла иллюзию разговора с отцом, в роли которого выступает царь Трои³⁹. Как кажется, эти две версии можно свести воедино: содержащееся в словах Приама предложение отказаться от героического выбора, вернувшись домой и воссоединившись с Пелеем, на минуту превращает Ахилла из почтительного сына, пребывающего в бездействии в беседе с квази-отцом Приамом, в героя действия, чьи поступки, как мы уже видели, чреватые горем и гибелью для его отца – настоящего или мнимого. Далее Ахилл немедленно возвращается к прежней роли, но если учитывать эпическую перспективу, мы знаем, что Приам, в 24-й песни «Илиады» отчасти замещающий Ахиллу отца, в итоге падет от руки «второго Ахилла» – его сына Неоптолема.

Таким образом, в финале «Илиады» мы сталкиваемся с ситуацией, отчасти схожей с финалом «Одиссеи», а именно с преисполненным внутренним напряжением эпизодом, когда сын (Телемах) или квази-сын (Ахилл) угрожает своему настоящему (Одиссей) или мнимому (Приам) отцу соперничеством или даже гибелью, но затем отказывается от действия, чреватого таким исходом⁴⁰. И в том, и в другом случае гомеровский эпос как бы подавляет имманентно присущую ему тему.

Подводя итог, вернусь к соотношению мифологической и эпической проекции темы соотношения образов сына и отца как одновременно дополняющих и противостоящих друг другу. В героическом мифе сын, сражающийся со своим отцом и даже убивающий его, предстает как естественное развитие темы «сын, становящийся достойным, воздающий должное отцу». Сын героя тогда и оказывается достойным его, когда ему противостоит. В рамках гомеровской эпической этики такое совмещение невозможно, и мотив трансформируется: героический выбор сына, его героическое действие оказывается причиной несчастий или гибели отца. Потому герой действующий оказывается плохим сыном, а подлинно хорошим сыном становится либо последовательно пассивный Телемах, либо Ахилл, но в те редкие случаи, когда он от действия отказывается.

Литература

1. Боура С.М. 2002: Героическая поэзия. М.
2. Веселовский А.Н. 2006: Избранное: Историческая поэтика. М.
3. Данек Г. 2011: Эпос и цитаты: изучая источники «Одиссеи». Ч. 1. М.
4. Леви-Строс К. 2001: Структурная антропология. М.
5. Лотман Ю.М., Минц З.Г. 1981: Литература и мифология // Семиотика. Труды по знаковым системам. Тарту, 13, 35–55.
6. Мелетинский Е.М. 1984: Об архетипе инцеста в фольклорной традиции (особенно в героическом мифе) // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 57–62.
7. Пронн В.Я. 1958: Русский героический эпос. М.
8. Austin N. 1969: Telemachus Polymechnos // California Studies in Classical Philology. 2, 45–63.
9. Avery H. 1998: Achilles' Third Father // Hermes. 126, 389–397.
10. Bakker E. 2013: The Meaning of Meat and the Structure of the *Odyssey*. Camb.
11. Benardete S. 2008: The Bow and the Lyre. A Platonic Reading of the *Odyssey*. Lanham.

³⁹ Felson 2002, 48.

⁴⁰ Заметим, что если в «Одиссее» бой, в котором Телемах намеревался соперничать с Одиссеем, прекращает Афина, то в «Илиаде» сам Ахилл не раз подчеркивает, что Приам хранит прежде всего воля богов. Таким образом, «божественный аппарат» становится одним из способов разрешения внутреннего напряжения.

12. *Bremmer J.* 1983: The Importance of Maternal Uncle and Grandfather in the Archaic and Classical Greece and Early Byzantium // *ZPE.* 50, 173–186.
13. *Bremmer J.* 2014: Interpretations of Greek Mythology. Oxf.–N.Y.
14. *Cairns D.* 1993: *Aidôs: The Psychology and Ethics of Honour and Shame in Ancient Greek Literature.* Oxf.
15. *Clarke H.W.* 1963: Telemachus and the Telemacheia // *AJPh.* 84, 129–145.
16. *Clarke H.W.* 1989: *The Art of the Odyssey.* Bristol–Wauconda.
17. *Crotty K.* 1994: *The Poetics of Supplication: Homer's Iliad and Odyssey.* Ithaca (NY).
18. *Danek G.* 1998: *Epos und Zitat. Untersuchungen zu den Quellen der Odyssee.* Wien.
19. *Eckert Ch.* 1963: Initiatory Motifs in the Story of Telemachus // *CJ.* 59.2, 49–57.
20. *Edwards A.* 1985: Achilles in the Odyssey. Ideologies of Heroism in the Homeric Epic. Königstens.
21. *Falkner T.M.* 1995: *The Poetics of Old Age in Greek Epic, Lyric, and Tragedy.* L.
22. *Felson N.* 1999: Paradigms of Paternity: Fathers, Sons and Athletic/Sexual Prowess in Homer's Odyssey // *Euphrosyne. Studies in Ancient Epic and its Legacy in Honor of Dimitris N. Maronitis.* Stuttgart, 89–98.
23. *Felson N.* 2002: Threpthra and Invincible Hands: the Father–Son Relationship in *Iliad* 24 // *Arethusa.* 35, 35–50.
24. *Fernandez-Galiano M.* 1990: *A Commentary on Homer's Odyssey. V. 3: Commentary to Books XVII–XXIV.* Oxf.
25. *Finlay R.* 1980: Patroklos, Achilles and Priamus: Fathers and Sons in the *Iliad* // *Classical World.* 73, 267–273.
26. *Greene T.* 1963: *The Descent from Heaven: a Study in Epic Continuity.* New Haven.
27. *Heath J.* 2001: Telemachus πεπνυμένος: Growing into an Epithet // *Mnemosyne.* 54, 129–157.
28. *Heiden B.* 2008: *Homer's Cosmic Fabrication: Choice and Design in the Iliad.* Oxf.
29. *Held G.* 1987: Phoenix, Agamemnon and Achilleus: Parables and Paradeigmata // *CQ.* 37, 245–261.
30. *Hooker J.* 1989: Homer, Patroclus, Achilles // *Symbolae Osloenses.* 64, 30–35.
31. *Jensen M.S.* 1980: *The Homeric Question and the Oral-Formulaic Theory.* Copenhagen.
32. *Jones P.* 1988: The κλέος of Telemachus: *Odyssey* 1.95 // *AJPh.* 109, 496–506.
33. *Kamptz H. von* 1982: *Homerische Personennamen. Sprachwissenschaftliche und historische Klassifikation.* Göttingen.
34. *Letoublon F.* 2010: Télémaque est-il le fils d'Ulysse? // *Gaia.* 13, 137–152.
35. *Macleod C.* 1982: *Homer. Iliad. Book XXIV.* Camb.
36. *Martin R.* 1989: *The Language of Heroes: Speech and Performance in the Iliad.* Ithaca (NY).
37. *Mills S.* 2000: Achilles, Patroclus and Parental Care in Some Homeric Similes // *G&R.* 47, 3–18.
38. *Moreau A.* 1992: *Odyssée, XXI, 101–139. L'examen de passage de Télémaque // L'initiation. Actes du colloque international de Montpellier, 11–14 avril 1991, I. Les rites d'adolescence et les mystères.* Montpellier, 93–104.
39. *Olson D.* 1995: *Blood and Iron. Stories and Storytelling in Homer's Odyssey.* Leiden.
40. *Perradotto J.* 1990: *Man in the Middle Voice: Name and Narration in the Odyssey.* Princeton.
41. *Petropoulos J.* 2011: Kleos in a Minor Key: the Homeric Education of a Little Prince. Camb. (MA)–L.
42. *Pratt L.* 2007: *The Parental Ethos of the Iliad // Constructions of Childhood in Ancient Greece and Italy.* Athens, 25–40.
43. *Rank O.* 1909: *Der Mythos von der Geburt des Helden.* Leipzig–Wien.
44. *Redfield J.* 1975: *Nature and Culture in the Iliad: the Tragedy of Hector.* Chicago.
45. *Richardson N.* 1996: *The Iliad: A Commentary. Vol. 6: Books 21–24.* Camb.
46. *Risch E.* 1981: Namensdeutung und Worterklärungen bei den ältesten griechischen Dichtern // *Risch E. Kleine Schriften.* B.–N.Y.
47. *Said S.* 2011: *Homer and the Odyssey.* Oxf.
48. *Schadewaldt W.* 1966: *Iliasstudien.* B.
49. *Schein S.* 1984: *The Mortal Hero: an Introduction to Homer's Iliad.* Berkeley–Los Angeles.
50. *Schofield M.* 2001: Euboulia in the Iliad // *Oxford Readings in Homer's Iliad.* Oxf., 220–259.
51. *Sulzberger M.* 1926: ONOMA ΕΠΙΩΝΥΜΟΝ. Les noms propres chez Homère et dans la mythologie grecque // *REG.* 39, 381–447.
52. *Thalmann W.G.* 1998: *The Swineherd and the Bow: Representations of Class in the Odyssey.* Ithaca (NY).
53. *West S.* 1990: *A Commentary on Homer's Odyssey. Vol. 1: Introduction and Commentary to Books I–VIII.* Oxf.
54. *Wöhrle G.* 1999: *Telemachs Reise. Väter und Söhne in Ilias und Odyssee oder ein Beitrag zur Erforschung der Männlichkeitsideologie in der homerischen Welt.* Göttingen.

55. Zajko V., O'Gorman E. 2013: Classical Myth and Psychoanalysis: Ancient and Modern Stories of the Self. Oxf.
56. Zanker G. 1996: The Heart of Achilles. Characterization and Personal Ethics in the *Iliad*. Ann Arbor.

A SON IS (NOT) RESPONSIBLE FOR HIS FATHER. GOOD AND BAD SONS IN THE HOMERIC EPIC

Nikolay P. Grintser

The author explores the motif of father-to-son opposition in the Homeric poems. Analyzing relevant contexts of the *Iliad* and *Odyssey* (especially those referring to Achilles and Telemachus) he shows that, on the one hand, the epic preserves the archaic idea of a young hero as a sort of his father's new embodiment (the idea being partly reflected in the young hero's name), but, on the other hand, all the traditional motifs connected with father-to-son opposition are smoothed over in Homeric poems. Since this opposition is an inevitable consequence of the heroic action, a hero's activity entails breaking his filial duty, and the character who proves to be a really dutiful son must become completely or temporarily passive.

Keywords: heroic epic, mythology, folklore, etymology, father, son, *Iliad*, *Odyssey*, Epic Cycle.

Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration, Moscow, Russia

grintser@mail.ru

© 2015 г.

Вестник древней истории
2015, № 1, 14–27

А. И. Иванчик, И. Адиего

НОВАЯ ЛИДИЙСКАЯ НАДПИСЬ ИЗ КЕЛЕН И ПРОБЛЕМА ЛИДИЙСКОГО ПРИСУТСТВИЯ ВО ФРИГИИ В ЭПОХУ АХЕМЕНИДОВ¹

В статье публикуется лидийская надпись, открытая в 2009 г. в г. Динар (провинция Афьонкарахисар, Турция), древних Келенах. Надпись датируется концом VI – началом V в. до н.э. и является лишь вторым случаем находки лапидарной лидийской надписи за пределами Лидии и примыкающих к ней прибрежных греческих городов. Ее находка подтверждает сведения Геродота (VII. 27–29), согласно которым в Келенах пребывали богатые и влиятельные лидийцы и владели там крупными состояниями.

Ключевые слова: Фригия, Лидия, лидийский язык, лидийская надпись, Келены, Геродот.

Иванчик Аскольд Игоревич – член-корреспондент РАН, научный руководитель Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН.

Адиего Игнасио – профессор Университета Барселоны (Испания).

¹ Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ 13-06-00746.